

Л.Ю. Бронзино

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА НАБЛЮДАЮЩИМИ: СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ УЧАСТНИКА 10 КОНФЕРЕНЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

В статье на основе авторских наблюдений и опубликованных докладов участников 10 Конференции Европейской социологической ассоциации осуществляется попытка обобщения основных тенденций современной социологии. Представлено сформированное участниками Конференции понимание концепта «турбулентности», обозначившего общую направленность как Конференции, так и современной европейской социологии в целом. Обозначена специфика таких базовых направлений современной теоретической социологии, как концепции актора, плюрализма, постмодернизма. В качестве репрезентативного примера рассматривается состояние современной французской социологии (Л. Тевено).

Ключевые слова: «турбулентность», современная социологическая теория, социальная динамика, плюрализм, постмодернизм.

Keywords: “turbulence”, modern sociological theory, social dynamics, pluralism, postmodernism.

Надеюсь, ... что недели... окажется достаточно, чтобы подружить литературу с властью, идею скрестить с хаосом, а заодно неплохо было бы еще и подлатать распадающуюся ткань Европы, утихомирить воспалившийся национализм, избежать столкновения с исламским миром и не забыть решить проблему «третьего мира». Если вам все это удастся, можете считать, что потратили время не зря (Брэдбери 2000: 207).

**«Первая и, по сути, единственная предпосылка хорошего стиля — это когда человеку есть что сказать» (Уэльбек 2003: 53),
или об особенностях исследовательского фокуса**

Специфичность конференций как места встречи научного сообщества замечена и учеными, и просто наблюдателями. Здесь происходит личное общение представителей науки, которое не заменит никакая

технически совершенная опосредованная коммуникация — Рэндалл Коллинз (Коллинз 2002: 1280). Бессмысленное и дорогостоящее время-препровождение научной элиты, нужное лишь для удовлетворения капризов признанных корифеев и тщеславия желающих «приобщиться» — Малькольм Брэдбери (Брэдбери 2000). Неспособность примкнуть ни к одному из «противоборствующих» лагерей, вызванная нежеланием, будучи непосредственным участником мероприятия, всерьез его дискредитировать, с одной стороны, а с другой, — избавиться от известной ироничности в отношении столь масштабного и уже потому неизбежно пафосного события, вызвала к жизни особый взгляд на Конференцию, который и будет здесь отражен.

Характер этого специфического взгляда предопределен позицией участника — это, разумеется, включенное наблюдение, т. е. метод по определению ненадежный и страдающий субъективностью, но полезный для формирования гипотез и первичных обобщений. Однако позволяя себе вольность субъективного видения, сочтем отсутствие претензий на безусловную истинность за благо: субъективность позволяет сохранить непосредственность ощущений, в которых, вполне возможно, и кроется истина. При таком подходе позволительны мысли и зарисовки вместо логически безупречных выводов, что особенно ценно в отношении разнообразной до пестроты «картины» европейской социологии, специфически, но все же представленной на Конференции.

Социолог на конференции не может не осознавать, что он вполне способен превратиться из носителя научного знания в объект наблюдения, из наблюдателя, которым он привык себя ощущать, в наблюдаемого. В этом смысле социологическая конференция — место по определению специфическое, задачей там становится не только собственно участие в научной дискуссии и представление своих идей, но и взаимное наблюдение, участники которого наверняка выносят друг о друге условно-научные (или претендующие на научность) суждения. Таким образом, второй особенностью излагаемого здесь подхода является осознание сложной дюрренматовской диалектики происходящего: «...вообще-то то, что происходило между теми, кто наблюдал за ним, и им, наблюдавшим за своими наблюдателями, характерно для нашего времени, — каждый чувствует, что наблюдаем каждым, современный человек есть человек наблюдаемый...» (Дюрренматт 1990: 99).

Конференции нужны не для того, чтобы что-то решить, а чтобы что-то сказать и что-то услышать. Это позволяет говорить и о прошедшем мероприятии в дискурсивных терминах, т. е. считать основным ее содержанием то, о чем и как на ней говорилось. Первое «оправдание» конференции заключается в возможности увидеть в письменных и устных высказываниях участников срез современного социологического если

не знания, то общего интереса и направленности исследований. Методологические ограничения при отождествлении того, что представлено на конференции, и реальной остроактуальной картины социологического осмысления современности связаны с двумя обстоятельствами, располагающимися на разных уровнях ее анализа. Во-первых, со спецификой конференций, на которых излагаются и обсуждаются волнующие социологическое сообщество проблемы: заданная тема фиксирует рамки исследовательского поиска, но, что особенно характерно для масштабных региональных собраний, весьма условно, оставляя возможность охватить максимально широкий круг проблем при почти неограниченном многообразии предметных областей. Во-вторых, с особенностями собственно социологического теоретизирования, которое отличается не только многочисленностью направлений и предметов исследования, но и отсутствием общезначимых оснований парадигмального характера, делающим возможными резкие заявления о непродуктивности изучения состояния современной социологии, поскольку «в современной социологии нет школ, которые бы заслуживали *исключительного* внимания; у нее нет никакого “состояния”, ибо она не образует единства» (Филиппов 1999: 7). Отказ от претензии на объективную оценку не только общих тенденций науки, но и конкретно социологической теории, о которой здесь преимущественно пойдет речь, легитимирует методологическую вольность, составляющую суть представленного здесь исследовательского фокуса.

«Как правило, формы общения между людьми на ... конференциях восхитительно незамысловаты» (Ури 2010: 101)

Все удачные конференции, как счастливые семьи, одинаковы. Место встречи научного социологического сообщества Европы, официально именуемого Европейской социологической ассоциацией, было уютным, высокотехнологичным, выбранным с учетом соображений «географической толерантности» (т. е. согласно условному списку стран, в котором чередуются социально и географически разные регионы) и, конечно, обеспеченным хорошей погодой и расторопным персоналом, готовым помочь с новомодной электронной регистрацией тем из ученых мужей, чей статус уже позволяет быть по-детски беспомощными в повседневной жизни. Конференция характеризовалась классическим единством места и времени, потому форма, конечно, соответствовала содержанию, и обсуждаемые проблемы были насущны для Европы, традиционно отстаивающей свою основанную на первородстве позицию законодательницы мод в науке перед заокеанскими конкурентами.

10 Конференция Европейской социологической ассоциации сформулировала свою базовую тематику с помощью красивой метафоры

«турбулентности». Это означает, что Конференция была посвящена насущным и наиболее актуальным проблемам современного общества в фокусе перманентной изменчивости, характерной для нынешнего этапа развития — в первую очередь, конечно, европейского, но и допускающего более широкое толкование: развитие на глобальном уровне (хотя сам концепт глобализма отошел в выступлениях участников на второй план) и развитие самой социологии как науки, существующей в условиях, когда следует «пристегнуть ремни» и попытаться осторожно осмыслить, есть ли эта «тряска» лишь временное неудобство, вызванное всегда неустойчивой погодой, прелюдия катастрофического падения или результат непродуманных действий пилота... Представление об изменениях можно назвать базовой парадигмой Конференции — какого бы рода явление ни рассматривалось, в первую очередь рассматривалось его динамическое измерение.

«Зонтичный» характер этой парадигмы, изначально предполагающий совместное существование под одной условной «крышей» разнообразных подходов, как и выбор метафоры, а не закрепленного в науке концепта, для формирования проблемного фокуса Конференции, подтверждает тезис о невозможности осмысления европейской социологии как хотя бы «виртуально» гомогенного образования. Тематика секций и озвученных на них проблем и тем исследования отличалась многообразием не только предметов, но и подходов к исследованию, демонстрируя явный теоретико-методологический плюрализм. Его-то и можно обозначить как сформировавшийся тренд, ведущий к значимым следствиям и сам свидетельствующий о принятии определенных «врожденных идей», которые на сегодняшний день уже не дискутируются, но выступают предпосылкой любой дискуссии.

На Конференции такими предпосылками стали два разноплановых и даже принадлежащих к разным сферам события — переход к новому этапу общественного развития, теоретически интерпретируемый в качестве специфического направления социальных трансформаций конца XX и начала XXI вв., и недавно начавшийся, но еще не достигший своего пика кризис, поразивший мировую экономику и особенно больно ударивший по объединенной Европе. Достоинно особенного упоминания примечательное в данном контексте обстоятельство, характеризующее современную российскую социологию, о которой речь здесь не идет еще и потому, что она удивительным образом «выпадает» из европейских тенденций: проблематику кризиса она почти не затрагивает, к тематике постмодерна относится с подозрением, а в собственной секции («Russian Sociology in Time, Social Space and Transition») представляет не только привычный для себя набор тем и проблем, но и (в последовательности выступлений, например) внутреннюю организационную

иерархию официальных научных структур. Понятно, что конференции не в последнюю очередь организуются по принципу ярмарки: нужно показать научный «товар» «лицом», однако российская социология реализует его в ущерб прочим необходимым составляющим, чем в известной степени ставит себя в положение приглашенного гостя, вызывающего скорее нездоровое любопытство, нежели серьезный научный интерес.

«...мы как следует уясняем грозный и возвышенный смысл слова “перемена” лишь тогда, когда нам представляется возможность понаблюдать за мгновенным исчезновением былого и стремительным усилением грядущего на сломе времен» (Брэдбери 2000: 212)

Концепт турбулентности обеспечил европейскую социологию специфическим фокусом, который создал особую перспективу исследования современности. Мировой экономический кризис — еще одно (и, возможно, не последнее) событие глобального масштаба, свидетельствующее об очередном разрыве казавшихся прочными социальных связей и устоев. Среди прочих событий подобного масштаба, пришедшихся на жизнь условного «одного поколения ученых», можно назвать, например, формирование единого европейского пространства, высветившее многочисленные противоречия внутриевропейского развития и породившее столь же многочисленные дискуссии о том, к чему это может привести. «Своими глазами» европейский социальный мыслитель «видел» и столь значимое и безусловное событие, как конец индустриального общества, нынешнее поколение ученых успело поучаствовать в дискуссии о том, что же зарождается на его обломках.

Скажем прямо, двух этих событий вполне хватило бы для работы не только нынешнего поколения социологов, но и нескольких последующих. Потому очередной кризис кажется наступившим совсем неожиданно и задолго до того, как решены ранее возникшие проблемы. Все происходит слишком быстро, это уже не «ветер перемен», а вихрь, ураган — «турбулентность». Ощущение себя находящимися в центре воронки, стремительно движущимися (падающими или взлетающими — неизвестно) порождает катастрофическое самовосприятие, для описания которого уже не подходят привычные понятия динамики или трансформации.

Это не значит, что до кризиса европейская социология была настроена на исследование исключительно стабильности и функционирования. Но момент смены базовых социальных устоев от Модерна к Постмодерну уже был зафиксирован (его, конечно, можно называть как угодно — список подходящих концептов почти бесконечен: и постиндустриальное, и знания, и сетевое, здесь «постмодерн» используется для простоты дела и для связи с последующим изложением, где будет упо-

требляться именно этот концепт). С момента, как произошел этот базовый сдвиг, оставалось только дискутировать о его деталях (которые, собственно, и стали основой для многообразия подходов к его осмыслению), исходя из безусловности идеи плюралистичности методологического и онтологического планов. И хотя эти дискуссии о смысле новой эпохи и методах ее изучения и не завершились, они происходили на довольно ровном социальном фоне, а по сути были дискуссиями о характере и направлении изменений. В этом смысле кризис дал европейским социологам возможность застать интереснейший момент социального эксперимента в контовском понимании. Но, и это тоже очевидно каждому европейскому ученому, результаты социальных экспериментов всегда неопределенны. И в нынешние рассуждения о кризисе закралось апокалиптическое ощущение. Случись то же самое до краха идеи Просвещения и наступления постмодерна (самого по себе внушающего пессимизм и фиксирующего перманентный кризис социального, но все же в силу своего постоянства ставший привычным и подлежащим изучению как данность), теперь этот пессимизм следует возвести в квадрат. Однако при этом уже есть набор подходов к его изучению — именно постмодернизм обеспечил науку множеством теоретико-методологических моделей, которые должны были помочь зафиксировать перманентные трансформации социальности, ускользающей от взгляда исследователя, оставляя лишь «следы» и редуцируясь к симулякрам. Специфика (доведение до логического или даже парадоксального конца, не предполагающего возможности дальнейшего развития) полученных в результате постмодернистского переосмысления общества подходов, отрезала путь к пониманию через дальнейшее «усиление» скорости трансформаций и радикализацию концептов, хотя именно этого, кажется, и потребовала социальная практика. Постмодернистскую максимальную, и без того находящуюся за рамками человеческой чувствительности скорость, уже нельзя увеличить — остается только приспособливать имеющиеся наработки к изменившимся условиям. Да и классики, которых никто не списывал со счетов, несмотря на популярность новых веяний, тоже могут снова оказаться полезными.

***«Невероятно расплодившееся племя социологов
интересуется последствиями человеческого действия
самого различного рода» (Терборн 1999: 90)***

Доминирующим на Конференции теоретико-методологическим подходом (с учетом ранее оговоренных ограничений относительно нестроого характера высказываемых здесь суждений) следует назвать теорию актора — для анализа конкретных явлений использовались все ее разновидности: от классического и лишь слегка «подправленного»

Вебера, через незыблемого Парсонса и до экзотического латуровского сетевого актора (Actor-Network Theory), включающего в сферу социологического исследования «нечеловеков».

Европейская социология предлагает разнообразные модификации теории актора и ее адаптацию к «турбулентным» временам. Став базовой характеристикой современности, неопределенность изменила тип действия, потому вполне логичным выглядит требование избавиться теорию актора от телеологизма (Schimank 2011: 588) в условиях, когда акторы не в состоянии управлять своей жизнью, в необходимой мере регулировать свою среду, а вынуждены бороться со складывающейся помимо их воли ситуацией наилучшим из возможных способов. Это означает, что бесполезно задумывать цели и затем стремиться к их достижению, реализуя рациональное в веберовском смысле действие. Рефлексивность, о которой говорил Э. Гидденс, уступает место импровизации как базовой характеристике действия. Современный актер живет в условиях «здесь и сейчас», специфического и абсолютного настоящего, вне будущего и, соответственно, вне целеполагания (Ibid). Тогда даже баумановская «текущая современность» выглядит недостаточно радикально, а идентичность — слишком устойчивой (хотя, надо заметить, что сам баумановский подход и концепт «текучести» был одним из наиболее популярных на Конференции). Описанная Бауманом «плавающая» и «ускользающая» идентичность переосмысливается как результат структурного дисбаланса, фундаментальных социальных противоречий, требующий теоретического паттерна, который в принципе отвергает идею устойчивой идентичности (Ruzzeddu 2011: 593).

Социологии следует освободиться от двух предубеждений, фиксирующих дихотомию представлений об индивидуальности: понимания индивида как целостности, с одной стороны, и лишения его субстанциональности, его полного отвержения, — с другой. Историческая случайность индивидуальности, обоснованная М. Фуко, выступает предпосылкой выхода за пределы «индивида» и создания онтологии индивидуальности, которая исходит из относительности и историчности социального мира, а не стремится зафиксировать рамки индивидуальности (Etokivi, Meskus 2011: 593).

«Я узнал полезные слова (такие, как Фуко и Деррида, Хоркхаймер и Хабермас), открывающие дверь к суровым академическим сердцам»
(Брэдбери 2000: 458)

Теорию актора пытались примирить с другим модным теоретическим течением — постструктурализмом, в котором преобладающее место занимают символические системы разного рода. «Образы атакуют» (Frackowiak 2011: 594) — социологи говорят об интервенции культурных

структур, языка, текстов и семиотических эффектов, визуализации и виртуализации, которые способны решить постмодернистски модифицированную дилемму «индивид / общество» и «спасти» индивида, несмотря на недавно провозглашенные конец истории и смерть социального субъекта (Dani, Ram 2011: 599).

Не забыты и вечно живые классики — на Конференции комфортно чувствуют себя и социологи, задающиеся вопросом о релевантности теории Маркса в «изменяющемся мире», не гоняющиеся за модными и ультрасовременными трендами. Хотя нынешняя социология выясняет, *куда можно прийти, отталкиваясь от Маркса?* И отвечает: путь от Маркса нынче ведет к Латуру и Фуко; дорога «от Дюркгейма» направляется к Луману, а от Вебера — снова к Фуко.

Понятия риска, неопределенности, социальной уязвимости и незащищенности, кризиса, становления, депрессии стали самыми популярными на Конференции, определяя и набор наиболее упоминаемых авторов: современность осмысливается как «текущая», следовательно, нуждается в развитии концепция З. Баумана, плюралистичная (на авансцене оказывается Дж. Александер), индивидуализированная и деиндивидуализированная одновременно (появляются Н. Элиас и М. Фуко), рефлексивная (Э. Гидденс и П. Бурдьё). Переосмысливаются различные варианты «философии становления» (А. Бергсон и Ж. Делез), которые выглядят релевантными самоописаниям современного общества через концепты мобильности, роста, флуктуации и случайности. Принципиальным является вопрос, возникают ли формы из бесформенности, а порядок из беспорядка? Положительный ответ на него выглядит как единственная возможность сохранить упорядоченность социальности в условиях турбулентности: например, «от Зиммеля берется понимание формы становления и идентификации различных фаз объективации форм; от Тарда — идея повторения как первой формы порядка; от Серра — идея циркуляции квазиобъектов как основы коллектива, а также его способ осмысления структуры как «упорядоченной множественности упорядоченных множественностей», и, наконец, от Латура, — понимание, что всякий порядок является продуктом сближения гетерогенных элементов» (Pyuhtinen 2011: 596).

Среди множества лиц европейской социологии отметим еще одно: ощущение кризиса не могло не напомнить о разветвленной и хорошо развитой традиции социологической критики, имеющей, как известно, два взаимосвязанных аспекта: критику общества и критику социологии как частного случая социального знания. Первая ветвь, идущая еще от Маркса, переплелась со второй благодаря деятельности всех поколений франкфуртцев, которые и по сей день во многом определяют характер критической социологии. Своеобразное и необычайно востребованное

видение общества, предложенное Ю. Хабермасом, сочетается с переинтерпретацией ставших уже классическими работ М. Хоркхаймера, Т. Адорно и Э. Фромма.

«Большинство пользуется случаем, чтобы насладиться собственной мудростью» (Ури 2010: 104).

Социология кризиса соседствует с представлениями о кризисе в социологии. Ответ на вопрос о том, каким должно быть социологическое теоретизирование эпохи турбулентности (именно его поиску, в общем, и посвящены данные заметки), на Конференции был явно окрашен в пессимистичные и мрачные тона. Сегодня возможна постановка вопроса об общей иррелевантности социологии во время кризиса, о том, что сегодняшняя социология не способна дать правдоподобную презентацию «позднего модерна» — пессимизм распространяется и на саму социологию, становясь доминантой саморефлексии. Здесь находит свое выражение специфический подход к научному знанию, особым образом интерпретирующий состояние современной науки, включая весь корпус социального и социологического знания. Речь идет о мощном течении (Кнорр-Сетина 2007), которое, с одной стороны, критикует классическую позитивистски ориентированную социологию (например, Р. Коллинз характеризует такую позицию весьма иронично: «Хула на “позитивизм” отчасти есть выражение протеста интеллектуального меньшинства против своих давнишних угнетателей, после приобретения им наконец кое-какой респектабельности» (Коллинз 1999: 94)), с другой, — формулирует нетрадиционное понимание науки, при котором ее продукты выступают как «результат процесса рефлексивной фабрикации», обосновывая конструктивистский подход, позволяющий понять, «как объекты производятся в лаборатории» (Кнорр-Цетина 2002).

Такой интеллектуальный контекст дополняет констатированный социальный кризис и определяет фокус социологической саморефлексии, приобретающей в результате почти апокалиптическое самоощущение. Логичной выглядит аналогия с Великой Депрессией 1930-х гг., выступившей одной из предпосылок формирования американской социологии в современном виде после столкновения со все больше проявляющейся иррелевантностью социологического знания обществу, с возрастающим преобладанием конкурирующих дисциплин и маргинализацией внутри управляющих институтов. «Великая депрессия» должна выглядеть как сказка, ставшая былью. Кризис и социальный разрыв создали потребность в социологической перспективе, которая способна анализировать общественно релевантные проблемы. Американское общество стало «социальной лабораторией», и социологи чувствовали себя способными применить свой научный инструментарий,

чтобы помочь раскрыть истинные причины кризиса» (Balon 2011: 589—590). Этот счастливый для социологии как науки сценарий, однако, не был реализован потому, что социология была «одержима собой и столь далекой от общих проблем, что была не способна перевести свои термины в формат «публичных дебатов» (Balon 2011: 590), в итоге план вывода из кризиса разрабатывали «конкуренты» — политологи, экономисты и юристы. Не похоже, что современная социология может предложить обществу более адекватный категориальный аппарат, следовательно, и ее исследования могут остаться «игрой в бисер» — не лишенной оригинальности, но значимой лишь для самой социальной науки интеллектуальной игрой.

Тогда вполне правомерной становится постановка вопроса *«Кому сегодня нужна социальная теория?»* Ее существование оправдывается, в первую очередь, наличием серьезных и в той или иной мере работоспособных моделей, предложенных Луманом, Бурдье, Хабермасом или Бауманом (знакомые все лица), но необходимо все же каким-то образом преобразовать ее, привлекая разнообразные внешние источники. В этом смысле европейская социологическая мысль выглядит намного более открытой разнообразным влияниям со стороны других дисциплин, чем российская — провозглашающая плюрализм и междисциплинарность в качестве собственных парадигмальных принципов, но традиционно пугающаяся «философичности» или «психологичности», угрожающих ее дисциплинарной специфике. Между тем культурная антропология, философия политики, политический феминизм и постколониальные теории помогают перевести «мультиконцептуальный» мир на «язык этики совместного существования в турбулентном мире» (Woroniecka 2011: 590) и доказать «преимущества социологических подходов, способных всерьез принять исходящие от философии импульсы» (Jonas 2011: 601).

«Закройте обратно Америку. В нашей гавани паника»

(Группа «Би-2»)

Приведем пример франкоязычной социологии, которая оказалась, во-первых, чисто технически более доступной на Конференции, поскольку проводила отдельное заседание — специальную сессию о новых тенденциях во франкофонной социологии. Во-вторых, франкоязычную социологию, учитывая ее традиционно ведущее место в европейской социальной мысли, вполне можно считать репрезентативной по отношению если не к мировой, то хотя бы к европейской. Хотя, как это часто бывает, франкоязычные социологи дружат не только «за», но и «против» гегемонии англоязычной социологии, и дружба эта давно возникла на почве стародавней ревности и к англичанам, и к американцам. Интел-

лигентный председатель (председательствовал Андре Петита, возглавляющий Международную ассоциацию франкоязычных социологов) выразил эту идею, обозначив необходимость специальной франкофонной секции как раз требованиями плюрализма в, опять-таки, «турбулентном» мире.

О тенденциях франкоговорящей социологии говорил Лоран Тевено (Thévenot 2011: 44) (один из лучших и наиболее известных из ныне живущих и действующих французских социологов). Постмодерн — это эклектичность и плюрализм, говорит Тевено, — но он сочетается с первобытным, архаическим страхом Чужого, следствием которого становятся модернистские по своей сути попытки унификации. Конечно, речь идет об эмигрантах и парижских пригородах, населенных не понятными не только для нас, но и для «старых» французов «новыми» французами. Радикализирующий все Латур заявлял, что применяемые к эмигрантам образовательные технологии даже не модернистского, а «традиционного» (в нашей терминологии) или «первобытного» (в его собственной) типа не работают по определению, поскольку «нового времени (или модерна) не было»: со своей верой в науку и технологию, способную «либерализовать» (в смысле освободить) все человечество от заблуждений и предрассудков (не важно — религиозных или любых иных) насильственная «модернизация» лишь воспроизводит ту же установку на веру в набор фетишей, сменив веру в сверхъестественное верой в науку (Latour 2009).

Тевено не столь радикален, как Латур, но тоже не верит в эффективность образовательных технологий для «новых французов», в их способность приспособиться по современному образцу, унифицировавшись с «коренным» населением. Причина этого — в разнице «грамматик», т. е. базовых символических систем (в первую очередь, языка) и схем интерпретации, касающихся того, каким образом формируется и осуществляется процесс коммуникации с Чужим: в современном человеке они носят публичный «общественный» характер, а «домодерном» и «модерном» — семейный, т. е. диапазон «своего» (не Чужого) для уже постмодерного европейца значительно больше.

Собственно, все, что остается с этим делать — изучать эти грамматические различия и не допускать, чтобы реально антилиберальная политика проводилась под демократическим прикрытием.

«Те, кто выжил в катаклизме, пребывают в пессимизме»

(В. Высоцкий)

Социологи разъезжались из Женевы не без понятного пессимизма, но и с явным ощущением выполненного долга: общение состоялось, плодотворность его в любом случае проявится позднее, когда идеи

и мнения будут отфильтрованы и оценены последующей рефлексией. Сам же процесс — дискуссии и выступления в окружении знакомых по открыткам видов одного из красивейших мест Европы — безусловно, был полезен и приятен, а сетования на дороговизну (впрочем, вполне ожидаемую) не слишком громкими.

Нельзя сказать, что Женевская конференция стала местом открытия новых идей, провозглашения радикально отличающихся от существующих концепций или исключительно неординарных подходов. Здесь в полной мере проявился подход, согласно которому «социология всегда может быть только незавершенным воссозданием социальной жизненной связи в действии, в движении, таким воссозданием, которое должно быть предпринято заново всякий раз — в любых новых рамках, в любой ситуации, в связи с каждой новой конъюнктурой, каждым поворотным пунктом» (Вагнер 1999: 256). Однако очевидно, что масштабное социологическое сборище на берегу Женевского озера вряд ли ставило перед собой грандиозную цель решения всех проблем. Скорее, в нем в полной мере проявился принцип ярмарки — других посмотреть и себя показать. Однозначно определить ее как «ярмарку тщеславия» мешает, тем не менее, то обстоятельство, что на Конференции если и не были сформулированы решения проблем, то стали более отточенными формулировки того, что нуждается в социологическом осмыслении. Самоощущение актора в преддверии Апокалипсиса — таково наиболее радикальное выражение условной формулы, фиксирующей общую тематику современной европейской социологии.

Литература

Бронзино Л.Ю. Классическая и неклассическая рациональность в социальном познании: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2010. № 1.

Бронзино Л.Ю., Курмелева Е.М. Предмет и методы социального познания: версии Бруно Латура и Никласа Лумана // Социология. Экономика. Политика. Известия высших учебных заведений. 2008. №2 (17).

Брэдбери М. Профессор Криминале. М.: «Иностранная литература», Б.С.Г.-Пресс, 2000.

Вагнер Г. Социология: к вопросу о единстве дисциплины // Теория общества. М.: КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.

Дюрренматт Ф. Поручение, или О наблюдении за наблюдающим за наблюдателями. М.: Мол. Гвардия, 1990.

Кнорр-Цетина К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1.

Кнорр-Сетина К. Фабрикация фактов: к микросоциологии научного знания // Парадигмы социологии знания: хрестоматия. М.: Наука, 2007.

Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.

Коллинз Р. Социология: наука или антинаука? // Теория общества. М: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.

Тернборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке // Теория общества. М: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.

Ури Х. Лучшие из нас. СПб.: Амфора, 2010.

Уэльбек М. Мир как супермаркет. М.: Ад Маргинем, 2003.

Филиппов А. Теоретическая социология // Теория общества. М: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999.

Balon J. The Great Depression and the Public Ir/Relevance of Sociology // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Dani F., Ram U. Salvaging the Political Subject: Social Theory after Marxism and Postmodernism // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Etokivi K., Meskus M. Beyond the individual: relational and historical ontologies of individuality // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Frackowiak M. From the Tool of Representation to the Vehicle of Modifying Social Relations. Images in Intervention // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Jonas M. Some Remarks On The Contribution Of Actual Philosophical Approaches For Social Theory // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Latour B. Sur le Culte Moderne des Dieux Faitiches. Paris, 2009.

Pyhtinen O. Formative Becomings: How to Account for the Birth of Order? // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Ruzzeddu M. Defining Identities in the XX Century // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Schimank U. Nothing but Coping: a Postheroic Conception of Action in Turbulent Times // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Thévenot L. Modernités en Reste // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Programme Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.

Woroniecka G. Who Needs Social Theory Nowadays? // Geneva, 7–10 September 2011. ESA 10th Conference. Social Relations in Turbulent Times. Abstract Book. University of Geneva & Swiss Sociological Association, 2011.